
© Н.В. КУЗЬМИЧ

kuzmich_nv@mail.ru

УДК 821.161.3.09 (092)

МОРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В РАССКАЗАХ ВЛАДИМИРА СТЕПАНА: ПОИСК И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. В материале исследуются некоторые особенности поэтики рассказов современного белорусского писателя Владимира Степана. Показывается художественное решение морального идеала на примере некоторых рассказов писателя.

SUMMARY. The article reveals the stylistic model peculiarities of Vladimir Stepan's novels, the modern Belarussian writer. The artistic solution of the moral ideal in some novels of this writer is also shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Моральный идеал, художественная деталь, рассказ.

KEY WORDS. Moral ideal, artistic detail, novel.

Значительные изменения в социально-экономическом положении общества конца XX столетия породили ситуацию переоценки ценностей, когда привычный уклад жизни рушится и человек мечется в поисках новых морально-этических ориентиров. Литература, несомненно, не может оставаться в стороне и предлагает свое видение проблемных сторон жизни общества и пути поисков ориентиров.

Предметом данного исследования послужили рассказы современного белорусского писателя Владимира Степана, который пришел в литературу в конце прошлого столетия. Стоит отметить, что творчество этого писателя не исследовано в отечественном литературоведении, поэтому можно говорить о том, что в данном материале впервые предпринята попытка исследования некоторых вопросов поэтики писателя, а именно — художественного решения морального идеала в произведениях малого прозаического жанра.

Белорусский писатель Владимир Степан (Степаненко) пришел в литературу в 90-х гг. XX столетия со своим, достаточно своеобразным, художественным видением. Его творческая манера выделяется на общем фоне литературы того времени. Исследуя внутренний мир своих героев (они же — его современники), автор показывает их всегда по-новому. Через, казалось бы, незначительный факт, эпизод, ситуацию раскрывает проблемы, на его взгляд, важные в обществе. Категоричный, резкий, контрастный, но никогда не делающий выводы писатель предлагает сделать это читателю.

В основе морально-духовных коллизий, которые исследует в своей прозе Владимир Степан, лежат как вечные проблемы жизни, так и те вопросы, что волнуют каждый день. Подаются они, как правило, через бытовой факт или случай, на первый взгляд, незначительный, на который обычно не обращают внимания. В произведениях он становится предметом художественного исследования, в результате превращаясь в литературное явление, которое пробужда-

ет у читателя соответствующие чувства, требует оценок и определенного отношения к себе.

Например, художественной новизной и нестандартностью в исследовании морально-этических проблем выделяется новелла «Братья». Здесь автор не ищет чего-то оригинального, он внимательно присматривается к быту, где нередко происходят трагедии, в результате которых разрушается духовный мир человека, рушатся семьи, гибнут родные люди. Действие новеллы короткое: два брата, Антон и Стасик, между которыми еще в детстве не сложились отношения, собрались в квартире своего отца Язепа Хомяка в выходной день. За столом выясняются отношения: вспоминаются обиды, высказываются взаимные претензии, придирки. Обстановка за разговором, где из трехлитровой банки в стаканы льется самогон, накаляется. Нарастание тревоги и драматичной развязки раскрывается через художественную деталь — хруст обыкновенного сваренного куриного яйца, — ставшую в новелле сквозной. На нее как бы нанизывается вся сюжетная линия, приобретая — по мере приближения к развязке — соответствующую тональность. В итоге старший из братьев Антон, доведенный до отчаяния, подогретый алкоголем, выбрасывается из окна четвертого этажа. Как отмечает писатель, удар «был глухой, с неприятным хрустом, будто кто-то бросил на стол уже разбитое сваренное яйцо» [1; 67].

В этой новелле, как и вообще в прозе писателя, строго реалистичный стиль письма, но он не базируется на типичных характерах в типичных обстоятельствах. В художественную ткань произведения вводятся элементы парадоксальности, которая проявляется в непредсказуемости поступков персонажей, и интриги, которая постоянно держит в напряжении. Писатель использует это не только для усиления занимательности; тут цель диктуется задачей — углубить психологизацию персонажей, так называемых «средних» людей. Моральный конфликт в произведении усиливается постепенно — автор хочет, чтобы персонаж раскрылся через сюжетное действие, чтобы стала понятна мотивация его поведения. Как правило, развязка бывает энергичная, с неожиданным результатом; в таких случаях автор к положительному идет от противоположного: через «разрушение» души своих персонажей, чтобы решительно преодолеть аморальное. В тексте нет длинных описаний. Художественные задачи решаются минимумом изобразительных средств. Все элементы — от художественной детали до композиционного построения — несут нагрузку в раскрытии творческого замысла.

В той или иной степени в произведениях В. Степана (например, «Братья», «Жара», «Шлягер» и других) затрагиваются проблемы семьи. В них писатель завязывает узел вопросов, ставящих читателя перед необходимостью искать ответ, проецировать его на собственный жизненный опыт, на те факты и примеры, которые встречаются в повседневности. Семья в этих произведениях — шаткое строение, населенное людьми, которые почти чужие друг другу по миропониманию, по ориентации на духовные ценности; члены такой семьи не ощущают между собой родственности, кровности, того, что могло бы сблизить их; каждый прислушивается только к собственным желаниям, защищает только свои интересы, даже не пробуя заметить, что рядом — такой же человек, у которого есть право на свой внутренний мир. И как закономерный результат — трагедии, несущие семье горе и слезы.

В некоторых новеллах, где показываются проблемы семьи («Поговорим», «Петр и сын», др.), действие развивается спокойно, поэтому сначала создается

едва ли не идиллический фон, который не предсказывает каких-либо существенных поворотов и неожиданностей, да и сами персонажи, на первый взгляд, снисходительные и спокойные люди, — тем самым читатель настраивается на мажорный лад, на традиционно тихую развязку. Показательна в этом плане новелла «Петр и сын». В ее основе лежит повседневный эпизод: к отцу приехал из города сын. Родные люди давно не виделись, и они чувствуют радость от встречи — в таких красках сначала рисуются отношения отца и сына. Тут и природа содействует: недавно прошел августовский дождь, небо очистилось от туч, в окна заглядывают своими сочными плодами яблони. Отец и сын выпивают, закусывают и неторопливо разговаривают на обычные житейские темы, в частности, разговор идет о яблоках, которых в этом году уродилось много; поэтому отец невероятно удовлетворен, уже планирует, как продать лишнее. Казалось, ничто не предсказывает, что вдруг случится трагедия. Только один неуловимый штрих, который настораживает: неожиданно сын Анатолий вспоминает, как когда-то отец, выбрасывая осенью навоз из хлева, пропорол ему вилами ногу. Вот и есть уже где-то в глубине души Анатоля семя, из которого может начаться буря. Они в очередной раз налили, чокнулись и выпили. Анатолю не понравилось, что на кусочке сала, которым закусывал, была, как ему показалось, плесень — сын поднес вилку к лицу отца и со всей силы ткнул ему в глаз. Случилась трагедия. Без какого-либо основания сын покалечил отца. Новелла оканчивается предложением, в котором заключается безразличие даже природы к тому, что случилось в отцовской хате: «Янтарное солнце постепенно заваливалось за утяжеленные плодами деревья» [1; 71]. Богатство, которым человека одарила природа, и по контрасту — ничемность и жестокость человека, которому мелкая обида на отца заслонила понятия добра и человечности.

Мир семьи в прозе В. Степана часто парадоксально невозможный, но реальный, тут почти всецелое неприятие героем всех, кроме себя, почти никакого понимания родственности и кровности с семьей. В рассказе «Химический карандаш» Юзик, по-дворовому Куцепалый, никому не прощал обиды, его боялись и во дворе, и в семье. Его сын Ладак, постоянно битый отцом «по-черному», показывал голени и спину сплошь в красно-синих шрамах и царапинах — так воспитывал его Юзик, который пил и вымещал свои неудачи на родных и близких. Вот и ребенок его, возможно, добрый по натуре, вынужден был как-то свыкаться и жить, по примеру отца пренебрегая моральными нормами, да он и не знал, что это такое. Мать Ладака умерла, сам он несколько раз сидел в колонии, откуда вернулся «в синей паутине татуировок, с блестящими фиксами и тоскливым взглядом ореховых глаз». Сестра Настя пятнадцатилетней девчонкой попала в венерический диспансер, а потом пропала — уехала в Сургут (отец угрожал убить дочку, как только ее выпишут), выходила там два раза замуж; ее брат Алесик также съехал в Сургут. Ни Настя, ни Алесь не возвращались к отцу, хоть тот в письме к ним просил прощения, жаловался на здоровье. Приехали дети только по телеграмме, которую отправили им соседи. Грустный финал, в котором своя закономерность: тот, кто развалил семью, кто ничего не сделал ради нее, обязательно столкнется с подобным результатом для себя. Но хуже всего то, что терпят близкие люди, калечатся судьбы детей, — значит, рядом с человеком в жизни больше горя, меньше радости и счастья.

Отношения женщины и мужчины в произведениях В. Степана выстраиваются в основном таким образом: женщина не понимает мужчину. Автор ис-

пользует выразительные художественные детали; как и в других, в этих рассказах развязка наступает неожиданно, но логично завершает сюжетное действие, раскрывая моральный облик героев. Часто удача на стороне только одного участника таких взаимоотношений: женщина пытается следить за своим мужем и гибнет (рассказ «Жара»); пытается развязать любовный треугольник (он — она — он, причем они — художники), и как результат — у нее муж и ребенок, и только она продолжает писать картины (рассказ «Шлягер»). Показательно, что в произведениях при решении подобных отношений удача на стороне только того из героев, кто меньше углубляется в свой духовный мир.

Морально-этические проблемы с особой остротой выводятся в новелле «Поэты». Творческие люди — Б.Г. и Б.Ц. — должны были бы быть близкими по пониманию человека, его внутреннего мира, потому что оба в определенной мере творцы, которых объединяет поэзия. В этом произведении автор не создает напряженных конфликтных ситуаций, он просто ведет своих персонажей, находящихся в Доме творчества, через обычные бытовые мелочи, где не требуется мужества и высокой самоотдачи, необходимо одно — человечность. Однако именно в подобных ситуациях проверяется человек, его моральная устойчивость, ориентация на те или иные ценности. Финал — хоть его и сложно было предсказать, поскольку нестандартен сюжет, — закономерный: Б.Ц. становится жертвой сложных взаимоотношений с Б.Г., коллегой по перу, который сталкивает его с высокого берега. Таким образом, можно утверждать, что писатель ищет в своих героях те моральные качества, которые доказывают, что человек создан для добра и счастья.

Внутренний мир человека — особый мир, часто существующий независимо от внешних обстоятельств, от того, как складываются отношения с людьми, живущими рядом. В этом его особенность, сразу притягивающая внимание, делающая неповторимым. Рисуя мир души героя, писатель оригинален, он находит нестандартные ситуации, где лучше проявляются те или иные качества. Показательна в этом плане новелла «В ожидании поезда», где с тонкими нюансами художественными средствами раскрывается сложная жизнь человека. Здесь мужчина ждет свою жену, которая скоро должна приехать поездом. Мужчина рассказывает про нее, про ее тяжелую работу. Но оказывается (и это становится известным со слов кассира) жены у этого человека нет, хотя он каждый день ходит на железнодорожную станцию и встречает поезд. По словам кассира, герой кажется человеком, который «немного не в себе». Автор оставляет и герою, и автору-рассказчику надежду, заканчивая произведение таким образом: «Я вскочил в тамбур. Проводница, не глядя, надломала твердый картон и отдала мне. Поезд дрогнул и тронулся с места.

«— Подождите, подождите, мне же выходить, — послышался голос, и мимо меня выбежала в тамбур женщина в белом вязаном платке с хозяйственной сумкой, полной больших апельсинов» [2; 107]. Таким образом автор, завершая сюжетное действие, оставляет читателю надежду, сделав его соучастником в судьбе человека, каждый день встречающего поезд. Именно надеждой окрашено все произведение, и поэтому уже кажется, что женщина в вязаном платке и есть жена того мужчины, — такая сила художественного воздействия. Хотя, скорее всего, это случайно встреченная женщина; однако надежда всегда должна быть, она согревает и одухотворяет, потому что это — та цепочка,

с помощью которой человек держится за жизнь, находит в ней смысл; надежда должна быть всегда.

Показывая внутренний мир героев, автор раскрывает читателям их всегда по-новому. В этом проявляется его умение всматриваться в жизнь, находить те ее проявления, которые не всегда можно заметить. В этом и заключается мастерство: из жизненной подробности вывести художественный характер, который волнует своей внутренней наполненностью. Например, в рассказе «Зимний лес» действие происходит в больничной палате, где находится Митя, который мечтает скорее выписаться и поехать домой. Первое, что он сделает после приезда, — пойдет на охоту. Митя, который не чувствует ноги под гипсом, как может, помогает другим в палате, хотя сам ходит на костылях. Злобно и жестко отвечает ему Олег, поведение которого становится понятным только тогда, когда Митя выходит из палаты, а Олег остается с медсестрой: «...Я не знаю, как такое сказать. Не знаю. Кто я такой, чтобы оглашать приговор? Кто мне дал такое право?.. Представляешь, он считает, что ему везет. Везет ... Инвалид. Как можно сказать этому дитенку, что он инвалид? Я не могу» [2; 99]. Оказывается, Митя — безнадежно больной, с ногой уже ничего нельзя сделать. В рассказе раскрывается внутренний мир молодых людей, полный надежды и драматизма, которые переплелись, определяя душевное состояние. Митя — еще мальчик, верит в то, что ему по жизни везет, да и вообще верит в жизнь; он — оптимист. Второй — Олег, более взрослый и более жесткий; как бы ни было сложно, он не может забрать эту веру у Мити, у «дитенка», с большими лучистыми глазами, который свято верит в свое везение. Олег знает, что приговор врачей уже вынесен: Митя — инвалид, но он хочет ехать домой, пойти на охоту и продолжать учиться дальше, — и Олег не может сказать ему правду, чтобы не разлучать парня с верой и надеждой, которые остались для него самой важной опорой в жизни.

Также можно говорить о том, что в произведениях писателя нет положительного героя в его классическом понимании: мужественный, решительный, однозначно стоит на стороне справедливости. Некоторые персонажи — с какими-то изъянами, что снижает их привлекательность: Куцепалый бьет своих детей (рассказ «Химический карандаш»); Регина, мать двоих детей, убивает мужа и приветливо принимает в квартире его любовницу (новелла «Поговорим»); сын ткнул вилкой отцу в глаз (новелла «Петр и сын»); поэт завидует коллеге по перу и сталкивает его с берега (новелла «Поэты») и др. И чем более занижены персонажи эстетически, тем сильнее возникает необходимость в светлом и чистом, способном украсить жизнь, дать ей наполнение и смысл (рассказы «На улице», «Братья» и др.). Таким образом, можно говорить о том, что в основном, создавая свой моральный идеал, писатель идет от противоположного: он пробуждает у читателя стремление к прекрасному, вызывая протест против мрачной действительности, в которой уничтожается доброе в душе у человека.

Одно из основных изобразительных средств, которые активно использует писатель, — это художественная деталь. Каждое произведение писателя является своеобразной мини-проблемой, острой, актуальной; за каждой деталью просматривается мир человеческих отношений. Характерно, что писатель не описывает то или иное явление в подробностях и нюансах, не поучает читателя. Он, словно находясь за кадром, показывает то, что происходит в реальности — только действие, укрупняющееся через художественную деталь, — и герои приближаются к чита-

телю, открывая тайный смысл своих действий и поведения. Например, процесс горения спички в рассказе «Пока горит спичка» — это художественная деталь, и она повторяется в тексте четыре раза: трижды вспыхивает в руке сержанты Попова, испытывая ловкость рядового Швидкого, и один раз — в привязанной к ржавой трубе руке сержанта, когда ему угрожает оружием рядовой, доведенный постоянными издевательствами до отчаяния. Удастся более точно выявить все перипетии этой истории именно через художественную деталь — горение обычной спички. С ее помощью выразительно и неожиданно открылось то, что наверняка осталось бы незамеченным в обычной обстановке.

В отдельных произведениях автора художественная деталь переходит с развязкой в один из компонентов сравнения; сравнение вытекает из логики поведения персонажей, которые также подаются через художественную детализацию. Характерной в этом плане является новелла «Братья». Тут художественная деталь, яркая, точная, выразительная, насыщенная смыслом, схватывает наиболее важную сторону действий героев. Хруст обычного куриного яйца, повторенный с разными оттенками, в зависимости от сюжетной ситуации, — не просто художественная фигура, за ним улавливается тонкая наблюдательность автора, умение замечать и выявлять художественными приемами перемены в действиях героев, которые, следуя художественной логике, открывают невыносимость семейной атмосферы, где нет места взаимному уважению и родственной добропорядочности. Художественная деталь дается в разных аспектах по ходу сюжетного действия (спокойное повествовательное течение, нарастание напряжения, развязка). Сначала информация — хруст куриного яйца — воспринимается факультативно (обычная бытовая мелочь, которая не несет в себе никаких признаков, тем более драмы). В конце произведения (и по ходу приближения к развязке) художественная деталь создает дополнительный эмоциональный фон, более полно раскрывает смысловой план произведения, что содействует входу читателя в художественный текст. Отец «...взял из миски яйцо, крутанул по столу и с хрустом ударил о край сковороды» [1; 65] во время разговора с сыновьями, тут спокойное течение повествования. Внезапно братья начали ссору — детализация приобретает новые оттенки: «Глухо, с хрустом, разбилось яйцо об стол» [1; 65]. Далее — нарастание напряженности: «Яйцо хрустнуло в руке Антона» [1; 66]. Развязка (старший сын выбрасывается из окна четвертого этажа) — и дополнительный фон у художественной детали: «Удар был глухой, с неприятным хрустом, будто бы кто-то бросил на стол уже разбитое сваренное яйцо» [1; 67]. Детали воспринимаются в совокупности и приводят к постепенному нагнетанию напряжения и к развязке, где снова повторяются. Такое кольцевое использование художественной детали создает впечатление максимально сжатого текстового пространства произведения, концентрации внимания и эмоций читателя на определенной ситуации. В этой новелле, например, через хруст яйца на столе в квартире Язепа Хомяка, где сошлись его сыновья Антон и Стасик, становится более понятной трагедия: старший из них погиб.

В новеллах часто и точно используется эпитет, который, как правило, несет оценочный смысл. Он усиливает эмоциональный план произведений, в некоторых из них является мини-деталью, которая придает больше красок обстоятельствам и характерам. Так, в новелле «Петр и сын» эпитет сквозной (повторяется несколько раз) — янтарный цвет, придающий соответствующую тональность всему произведению. В янтарных лучах солнца сверкают яблоки (начало но-

веллы, в цвете — фон); янтарный солнечный шар катится к закату (отец с сыном разговаривают про хозяйство, курят); то же янтарное солнце заваливается за деревья (после развязки — сын ткнул вилкой в глаз отцу). В новелле «Поговорим» это — кристально чистая скатерть, темно-красные капли липкого ликера на ней (тут и своеобразный контраст) и темно-янтарные глаза одной из героинь. Цвет здесь служит фоном для тяжелого разговора между двумя женщинами, для жуткой развязки, что свидетельствует, что для таких, как одна из героинь, Регина, внешне добропорядочная и гостеприимная хозяйка шикарной квартиры, человеческая жизнь ничего не стоит.

В новелле «Итака» автор сюжетным поворотом, что основан на ретроспекции, приближает к нам события, которые происходили в провинциальном городке одиннадцать лет тому назад. Тот же ресторан, куда герой произведения когда-то подростком случайно зашел с отцом. У героя — он же и повествователь — состояние непонятной внутренней скованности, будто бы дотронулся до того, что с годами не зачехло на дне души. В произведении — много оценочных эпитетов. Вот он, высокий мужчина со спортивной кожаной курткой на плече, поднимается в тот самый ресторанчик: «Лестница с широкими ступеньками, балюстрада с чудовищно выпуклыми, как беременными, балясинами...» [3; 9]. Каждый эпитет выполняет функцию художественной мини-детали, за которой просматривается внутренний мир героя, со своим видением явлений, со своими взглядами, что определяет нацеленность на определенные морально-этические ценности. Эпитеты-детали, которых много в тексте, используются не для украшения мыслей или переживаний героев; с их помощью раскрываются противоречия жизни героя, живые проявления характера человека, который через много лет столкнулся с прошлым, затронувшим в душе самые потайные струны.

Художественные средства в рассказах Владимира Степана делают образы более яркими, а ситуации — конкретными, обогащают смысловой план произведения, как бы расширяя его объем, увеличивая само художественное пространство, в нем более точно и выразительно проявляется все, что формирует характеры героев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сцяпан Уладзімір. Навелы // Крыніца. 1995. № 10. С. 64-73.
2. Сцяпан У. А. Сам-насам: Апавяданні. Мінск, 1990. 127 с.
3. Сцяпан У. Итака: Навела // Літаратура і мастацтва. 1996. 4 кастр. С. 9.